

Е. Г.

ПЕСНЯ
О
БОЯРЫНЕ МОРОЗОВОЙ

ЦАРЬ МАНАССИЯ

СКАЗАНИЕ
ОБ
ИННОКЕНТИИ
СМОКТУНОВСКОМ

Москва,
«Теревинф»
2006

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Е11

Е. Г.

Е11 Песня о боярыне Морозовой; Царь Манассия; Сказание об Иннокентии Смоктуновском: [сб. стихов] / Е. Г. — М.: Теревинф, 2006. — 121 с. — ISBN 5-901599-46-2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Песня о боярыне Морозовой	4
Царь Манассия. <i>Повесть</i>	23
Сказание об Иннокентии Смоктуновском	57
Тетраптих	
Пророк Илья	73
«Сон в Красном тереме»	75
Россия	77
Реджинальд Поль	80
Вместо жития	86
Ответ В. Д. Бонч-Бруевичу	90
Человек из Цзоу	91
Мистер Фолуэлл в Нью-Йорке	95
Диккенс. Очерк творчества	98
Каббалистические стихотворения	
Поэт	102
Памяти Рильке	105
«Нас каббалисты учат, что земля...»	107
Отрывок	109
Рассуждение о «Манон Леско»	114
«Фьоравенти-Фьораванти...»	120

ПЕСНЯ О БОЯРЫНЕ МОРОЗОВОЙ

I

На святой Руси,
На Руси великой
Жил боярин вельможный
Борис Морозов.
Все князья-бояре Морозова боялись,
Вся Москва пред Борисом трепетала:
Он царю был сыздетства наставник,
Он царице был родич любимый,
Он владел богатством несметным,
Изо всех бояр почитался первым.

Лишь одна печаль боярина томила:
Не было у него детей,
А старость не за горами.
В горькой старости
Любой бедняк боярина богаче,
Когда малые внуки
Сидят у него на коленях.

И взмолился к Богу боярин Морозов:
— Вот мой брат меньшей —

Он мне вместо сына.
Кабы мог я, Господи,
Найти ему невесту,
Да такую,
Чтоб ей равных не сыскалось:
Чтобы мудрой была,
И чистой,
И прекрасной видом,
Чтоб вослед ей глядя
Вся Москва дивилась,
Чтоб достойный наследник от нее родился
Моей славе — моему богатству.

— Диво-дивное!
Исполнилась боярина молитва.
На другой же день
Докладывают ему сваты:
— Так мол и так,
Есть невеста в боярском доме —
И лицом прекрасна,
И чудно стройна станом,
Так умна,
Что с ней старцы ведут беседу,
Так чиста,
Что птицы ей на руки садятся,
Входит в церковь —
В церкви Божьей становится светлее.

Как обрадовался боярин Морозов! —
Обвенчал он брата Глеба
с девицей Феодосьей.
Через год у них сын родился,
Что месяц ясный.

Старый Морозов себя забыл от счастья —
Каждый день посылает невестке
Заморские яства,
Дарит яхонты ей,
Как у польской королевы,
Золотой возок,
Лучше чем у самой царицы.

Ах, боярин Борис Морозов!
В том ли мудрость,
Чтоб есть дорогие яства?
Сердце чистое —
Не ярче ли яхонтов светит?
Позабыл ты,
Какими словами молился Богу.
Да Господь помнил!

Сердце мудрое в том,
Кто, в высоком тереме сидя,
Слышит,
Как в слободе погорелой
Сироты от голода плачут,
Как стонут колодники
В сырых подвалах.

Потому-то молодая боярыня Феодосья
В золотом возке ездить не хотела,
Яхонтами себя не украшала —
Надевала она простую одежду,
Обувала грубые лапти,
Тайно покидала белокаменные палаты,
В темные слободы уходила.

Кормила голодных,
Нагих одевала,
Из глубокой ямы
Вызволяла пленных,
От кнута и огненной пытки
Несчастных откупала,
Посылала выкуп за тех,
Кто в неволю попал на чужбине.

А когда спасенный
В ноги ей бросался,
Поднимала его, говорила строго:
— Господу единому воздай славу.
Он дает нам в долг —
Мы ему возвращаем.

А когда ей встречался
Дворянский сын обнищавший,
Посылала ему Морозова лисью шубу,
Сапоги из красного сафьяна.
Дворянина нельзя дарить,
Как простого смерда, —
Сердце чистое недаром слышит,
Как отец и дед его
В небесах плачут,
Что дошел их сын до нищеты и позора.

.

С юных лет осталась Феодосья вдовою.
Она не роптала,
Судьбу не корила.
Говорила тем, кто приходил ее утешить:

— Кто мне дал однажды любимого мужа,
Тот, по воскресении,
вернет мне его снова.

Сердце робкое страшится
И малой разлуки,
Сердце чистое
Алмаза крепче,
А у Господа
И тысяча лет — как один день.

II

О ту пору задумал царь
Алексей Михайлович
Весь народ христианский
Обратить в рабство,
Приковать к земле железной цепью,
Приравнять нашу горькую долю
К доле скотов бессловесных.

Вот сошлись на совет князья да бояре —
Никого не нашлось за народ заступиться.
По душе им государево решение,
И не даром:
Христианский пот для них — то жемчуг,
Кровь народная — червонное золото.
Больше всех царевы родичи довольны,
Первый среди них —
Борис Иванович Морозов.

Как домой воротился боярин Морозов,
Выходила Феодосья Прокопьевна
ему навстречу,
Выходила — говорила без боязни:
— Государь-отец-старший братец!
Высоко в небе светит солнце.
Но превыше солнца
Правда Божия сияет.
Не посмеет солнце
Лишить землю света —
Не посмеет
От Божьей правды отступиться.
А царей-князей
Над людьми Господь ставит,
Чтоб творили им правду и суд,
А не пот с них лизали кровавый!

Прогневили Морозова слова Феодосьи.
Не стерпел он,
Сказал ближним своим людям:
— Загордилась невестка,
И впрямь
Возомнила себя всех умнее!
Ну вольно тебе!
Любишь молиться Богу —
Заточу тебя в монастырь далекий,
Будешь класть поклоны и днем и ночью.

Так сказавши,
Затворил он дверь и лег на постели,
Только видит:
Вошла к нему гостья,
Та, что сквозь любые двери проходит,
От которой замком не замкнешься.

Вошла смерть сама
со серпом своим острым,
Отделила душу от боярского тела,
И отправился он на суд
К Господнему престолу.

.

А уж царские стражи
по всей земле рыщут,
Зорко смотрят,
Чтоб рабства никто не избегнул.
Ловят беглых,
Непокорных казнят жестоко,
В рудники ссылают на Лену —
Ледяную реку.

Больно землю долбить во мраке,
На коленях стоя, —
Во сто крат больнее
Вспоминать о детушках родимых,
Как их продали на чужую сторону
За бочонок вина, да за конскую сбрую.

Господи, Господи!
Не Ты ли нас создал!
Не Христова ли кровь
Нас от вечного ада искупила!
Посмотри же,
Как здесь они ругаются над нами!
Сатана в аду такого не измыслит —
От сосцов материнских
Отрывают младенцев,
Вместо них суют

Щенков собачьих.
— Корми, сучья кровь,
Сучат господских!
С человечья молока
Они станут еще злее,
Коли вздумаете бежать —
Разорвут вас на части.

.....

Как услышал царь Алексей Михайлович,
Что народ со всей земли
Вопит к Богу,
Призадумался он
И на страшное отважился дело —
Искривить решил святую веру,
Заслонить от нас, грешных,
Небо Господне,
Чтоб молитвы наши туда не доходили,
Чтоб заступники наши
От Русской земли отвернулись.

Призывает к себе царь советчика злого,
Патриарха-антихриста,
Лукавого Никона-собаку.
Говорит ему бессовестный Никон:
— Повели, государь, чтобы впредь
Во всей земле Русской
Не посмел никто помолиться Богу,
Прежде чем поклонится
Царю и патриарху.
Чтоб никто не смел
Искать иной правды,
Кроме той,

Что патриарх и царь возвещают.
Ты велишь —
А уж стражи твои досмотрят зорко,
Чтоб никто твоего повеленья не нарушил.

Господи!
Как же быть нам?
И что делать?
Страшен гнев Твой,
Да говорят же,
Что Бог — высоко.
Царь — далёко,
Да палачи его всё ближе!
Топорами стучат,
Рубят срубы, чтоб жечь нас живыми.

Смилуйся над нами!
Укажи, на кого опереться!
Тьма кромешная нас объяла,
Без огня путеводного
Погибаем!

Говорит Господь:
Кто зажжет светильник,
На высоком месте
Поставить его должен.
Оттого и Москва святая
На холмах стоит на высоких.

Высоко стоял Морозовский дом,
Был он всей Москве виден.
Распахнула Феодосья Прокопьевна
его двери,
Потянулись туда Божьи люди —

Те, что истину Божию
Превыше души своей возлюбили,
Что и малую крупицу правды
Не уступят сатане вовеки.

Стал Морозовский дом
Словно крепость.
Словно пламя к небу,
Возносилась оттуда молитва.
А вокруг народ московский
Исполнялся силы
И стоял за правду —
Не хотел царю покориться.

Как узнал про это царь
Алексей Михайлович, —
Испугался.
Глубокой ночью
Ворвались к Морозовой его стражи,
Заковали боярыню тяжелой цепью,
С милым сыном проститься не дали,
Повлекли в монастырь, в подземелье.

Говорили царю приспешники злые:
— Повели, государь,
Ее сжечь поскорее,
Чтобы впредь другим
Неповадно было.

Только царь недаром
Душу дьяволу продал —
Научил его дьявол
Хитрости змеиной.
Отвечал им царь:

— Ой вы, верные слуги!
Человека сжечь —
Нехитрое дело.
Прежде надо, чтоб от правды
Боярыня отреклася,
Чтобы подлый люд
Надежды на Бога лишился.

Приходили к ней в подземелье
Царские вельможи,
Приходили — увещали ее и стыдили:
— Не годится тебе, боярыне знатной,
Черный хлеб глодать
В кандалах и в кровавой коросте.
А повинна в той беде
Твоя гордыня,
А гордыня — это грех величайший.

Феодосья Прокопьевна им отвечала:
— Неужели бояре Христа знатнее?
Он — мой истинный царь —
Не гнушался такой пищей,
Он терновым венцом венчался,
И был за меня распят.
Не предам я его любви
И под самой жестокой пыткой.

Так она говорила в сыром подземелье,
А слова ее
По всей Москве разносились.
Пробирались к ней в темницу
Верные люди,
И она их наставляла
И укрепляла в вере.

А тюремные стражи
Между собой шептались:
— Как мы их сегодня не увидим,
Так пусть на Страшном Суде
Не увидятся грехи наши.

Догадался об этом царь
Алексей Михайлович —
Приказал везти боярыню
на Ямское подворье,
Чтоб пытали ее там
Палачи непростые —
Князь Одоевский и князь Воротынский.

Заломили ей белы руки,
Связали,
Высоко подвесили на дыбу.
Стали бить кнутами нещадно,
Так что кожа ключьями повисла.
А потом ее водой отливали
И пытали вновь,
Каленым железом.

Удивилась Морозова их лютой злобе
И, пришед в себя, князей спросила:
— Отчего я вам так ненавистна,
Князь Одоевский и князь Воротынский?
Я ль не ласково в моем доме
вас встречала,
Дорогих гостей,
Кумовьев своих крестовых?

Потемнев лицом, князья отвечали:
— Праведный для грешных —

Только с ночи той,
Как в цепях увезли Феодосью,
Перестал ее сын выходить за ворота.
От тоски и ночей бессонных
Занедужил Иван Глебович —
В тот же час об этом
Стало царю известно.
Посылал к нему царь
Лекарей самых лучших,
Самых лучших лекарей немецких.
Наливали они в чарку лекарства,
А в лекарство подмешали
Смертельного яду.
Только выпил Иванушка того зелья,
И закрылись навсегда его ясные очи.

.

— Видишь ты теперь, что
Господь тебя покинул, —
Говорили Морозовой ее супостаты.
— Он от мук тебя не избавил,
Он лишил тебя сына.
Нету пользы в твоём упорстве.
Покорись лучше царской воле
И покайся в преступной гордыне.

Зарыдала Феодосья Прокопьевна,
завопила:

— Ах вы, Каиново семя,
Я ль не вижу,
Чему вас наущает дьявол!
Мало вам, что вы извели мне сына,
Всю-то Русскую землю
Погубить вы хотите!

Не затем ли Ты, Господи Боже,
Широко нашу землю раскинул,
Оградил ее лесом дремучим,
Оковал ее морем студеным?

.

Понял царь Алексей Михайлович,
Что не он
Над нашим сердцем властен,
И решил отомстить лютой мезтью
Тем, кто Господа сильнее других любит.

Повелел он боярыню Феодосью
Отвезти в глухой далекий Боровск,
Вырыть там преглубокую яму,
Чтобы в ней
Без еды-без света
Долгой смертью она умирала.

Как слышала Морозова
приговор жестокий —
Кликнула она свою верную подругу,
Честную вдову Марию Данилову,
И сказала:
— Отыщи, Мария Герасимовна,
Ты в Москве князей Урусовых терем,
И скажи сестре моей меньшей,
Молодой княгине Евдокии —
Повелел мне царь умереть лютой смертью
Ради правды Божьей
В святой земле Русской.

Светлая княгиня Евдокия
помолилась Богу,
Богу помолилась —
святое Евангелье раскрыла.
И прочла она слова Господни:
«Если семя пшеничное, падши в землю,
Не умрет — то пребудет одиноко,
А умрет — то принесет плод великий».

И сказала княгиня Евдокия:
— Дорог муж,
И дороги малые дети.
И жизнь дорога.
А правда Божия — всего дороже.

Она мужу-князю в пояс поклонилась,
Малых детушек своих поцеловала.
Взявшись за руки, пошли они с Марией
И пред царскими судьями предстали.

И сказали они судьям царским:
— Умереть хотим с Морозовой вместе
Ради правды Божьей
в святой земле Русской.
Чтобы правда на Руси не погибла —
Воскресла —
Лютой смертью ныне
Без страха умираем.

Отвезли их всех троих в Боровск,
Опустили в страшную яму.
И Морозова до конца сестер ободряла,
Проводила их в путь,
И сама умерла последней.

С той поры народ христианский
Стал горькой вдове подобен —
Нет у нас государя,
Пасут нас лютые волки.
Господи Боже!
Смилуйся над нами!
У тебя ведь
И тысяча лет — как один день!

ЦАРЬ МАНАССИЯ¹

Повесть

I

Царя Манассии грехи
Тяжелой тучей
Висели над Иерусалимом.
В должный срок
Она дождем свинцовым разродилась
И каменным.
Пустыней стал великий город,
Возлюбленный Всевышним.

И не избегнул наказания царь Манассия:
Он был закован в цепи
И на чужбину отведен как пленник.
В огромном Вавилоне
Он в тесную был помещен темницу

И там оставлен
С памятью своей наедине.

Возможна ль собеседница ужасней?
Таких грехов жестоких и бесстыдных,
Какими до краев она полна,
Никто еще не совершал, пожалуй.

Едва захочет
Сознание истомленное Манассии
В какой-нибудь из уголков ее забиться,
Его тотчас оттуда гонит прочь
Видение кровавого кощунства,
Им совершенного.
И так — в несчетный раз.

Отчаявшись, решает царь
С обоими —
С сознанием и с памятью —
Покончить разом.
И с короткого разбега,
Насколько позволяет цепь,
Он ударяет головой о стену.

Боль
И крови вкус соленый
Царя с самим собою разлучают
ненадолго:

Вот он опять в Иерусалиме,
И небо — как расплавленный сапфир,
И солнце нежно жжет
Сквозь перья опахала.

В сопровождении друзей
Царь пересек подворье Храма

И на потеху свите
На стене священной
Нарисовал когтистый знак Молоха.

— Царь! Помилуй!
Ты нас погубишь всех!
За святотатство это
На наши головы обрушится сей Храм! —
И тянется дрожащая рука
Ужасный знак стереть.

Не говоря ни слова,
Короткий меч хватает царь Манассия
И руку отсекает.
Тотчас же царские друзья
Священника на землю валят
И бьют ногами до смерти.
А царь
Его с улыбкой вопрошает:
— Что ж?
Как видишь, Храм не рухнул.

Но в ответ
С земли встает старик-священник
И отрубленной рукой
Пытается стереть ужасный знак.
И вновь его сбивают с ног,
И вновь
Он поднимается и тянется к стене.
И вновь он на земле.
И вот встает опять.

И видит в ужасе Манассия —
Захлопнулась минута, как ловушка,
И он отсюда никогда не выйдет.

И еле-еле
Ворочая тяжелым языком
И непослушные слова соединяя,
Царь просит Господа Всевышнего
Его
Отсюда
Выпустить...
Но Бог его не слышит.
А старик опять встает,
И снова падает,
И вот опять встает...
И царь кричит,
Кричит и Бога умоляет!..

.

В темнице смрадной пробуждаясь,
Весь в крови,
Дрожит Манассия от боли и обиды
На Господа.

— Велик, велик мой грех!
Но почему же молния Твоя
В тот миг меня не поразила? —
Храм не рухнул,
Солнце
Сияло в безразличной вышине,
И царь Манассия как победитель вышел
Из наглой брани с Господом небес!
О горе!

— Почему меня
Земля, разверзнувшись, не поглотила,
Когда я сыновей своих в огонь

Кидал
Как наилучший дар Молоху?!..

.

...В двенадцать лет
На царство был Манассия помазан
В том городе единственном,
Который
Избрал для обитания Всевышний.

И город сей в садах благоуханных,
И землю, источающую мед,
И свод небесный с солнцем и луною —
Как должное
В бестрепетные руки
Он принял.

Царские рабы
Во всём ему покорны,
Священники Господни
В нем Божьего помазанника чтут,
И дорого заплатит тот,
Кто счастьем беспредельному Манассии
Захочет указать предел.

Но солнце, обходя великий город,
Отсчитывает дни
И отмеряет ночи.
И вот царю однажды показалось,
Что дни, сияющие безмятежно,
Короче сделались,
А ночи — холодней.
И этот холод, словно запах тленья

Прилипчивый,
Он отогнать не может,
Как будто он сочится изнутри,
Из сердца царского.
А кровь его разносит
По жилам всем
И поражает мозг
Неодолимым страхом вечной смерти.

Царь слышал много раз,
Что Бог Всевышний
Есть Бог живых
И запрещает Он
Между двумя мирами —
Зримым и незримым —
Передвигать межи
И поднимать завесу.

Но слышал он, что есть другие боги,
И что куда стоворчивей они.

Печален бродит царь Манассия
В садах иерусалимских несравненных,
И отгоняет луннолика Астарта
Его печаль,
И он ей платит щедро.

.

Иерусалим! Иерусалим!
Столица,
В которой Бог Всевышний обитает!
Гора великая, гора святая,
Где небо приклоняется к земле,

Где наполняются уста пророков
Глаголами Господними
И ходит
По площадям и городским базарам,
Став человеком,
Истина сама.

Но с омерзеньем смотрят на пророков
Царя Манассии рабы.
В водовороте сладострастной лжи,
На пиршествах Астарты и Ваала,
Господня истина —
Как желчь и как полынь!

— Идите прочь!
Знать не хотим ни вас,
Ни Бога вашего!
Он непомерной платы
С нас требует за милости Свои!
За всё благодарить —
За вдох, за выдох,
Смирять гордыню каждый час и миг
И неустанно ближнего любить —
Да у кого ж на это хватит сил?
Да это тяжелейший труд на свете!

Неужто выколоть себе глаза,
Чтобы не видеть, как Его щедроты,
Минуя нас, прольются на других?
Иль собственную грудь вспороть ножом,
Чтоб выдавить из сердца зависть?

А между тем наш долг растёт,
И он стеною

Но всё подвластно Господу живых!
И сотворит он день,
Тот самый день, в который,
Простершись на земле,
Ты будешь умолять,
Чтоб он тебя помиловал и принял
Рабом последним в Царствие свое!

И вот знамение, что не напрасной
Твоя молитва будет, царь Манассия:
Те капища Ваалу и Астарты,
Что ты с весельем возводил
при свете дня,
Во мраке ночи станешь разрушать,
Горючими слезами обливаясь.

Царь привстает:
— А не сказал ли
Тебе твой Бог,
Что я за эту дерзость
С тобою сделаю?

— В твоей я власти, —
Незванный гость чуть слышно отвечает, —
И ты, скорей всего, меня убьешь.
Но тот, кто жив, веки не умрет...
Тебе же предстоит, о царь Манассия,
Переходить из смерти в смерть...

Жезлом
Царь бьет пророка по лицу,
А стража

По земле его волочит
К котлу, в котором варится смола.

И умер он!

.

А царь Манассия в темнице,
Как ни старается,
Не может умереть.

— Какие-то есть жилы на руке...
Их можно
Перекусить — и кровью изойти.
Но в этой темноте — как их отыщешь?
Пустое дело, нечего стараться.

Решает он от пищи отказаться,
Которую тюремщики швыряют
К его ногам — и на десятый день
Смерть придвигается уже вплотную.

Да, здесь она, за дверью — и сейчас
Войдет.
Но почему-то
Она уже не кажется желанной,
И лютый страх опять владеет им,
И он уже готов кого угодно
Взамен себя послать в ее жерло.

Пусть дочери идут,
И сыновья,
И жены царские,
Друзья и слуги!

И весь народ земли, его рабы,
Пуškai в колонну строится,
И пусть
Его ведут служители Молоха
В пылающую печь — насытить смерть!

.

...Но больше откупиться нечем:
Он
Уже не царь,
Он узник осужденный.
И казнь его назначена на завтра,
Мучительная огненная казнь.

Но после пытки, от которой он
Себе на удивленье жив остался,
Он казни не боится —
Дон Антонио
Был прав во всём.
Не зря он их учил
Дыханье останавливать
И боли
Не чувствовать при этом никакой.

Он пытку выдержал
И на костре
Сознание успеет потерять,
А едкий дым доделает свое...
Но главное не это, а другое:
Он никого под пыткой не назвал!
Иначе — страх и ужас! — столько раз
В своих последующих воплощениях

Он на костре горел бы, сколько душ
Он выдал бы сегодня палачам.

А ворожба, и вызыванье мертвых,
И на святых прилюдная хула,
И многое другое из того,
Что инквизиция ему вменяет —
Конечно же, всё это было,
Было.

Да вот когда?

Ты лопнул бы от злобы,
«Священный суд»,

Когда б в мои ты мысли
Проникнуть смог!

Ты хочешь насладиться
Страданиями невинного —

А я

Перед иным стою Судом

И верю,

Что справедлив мой страшный приговор.

...Такой недолгой жизнь моя была
И безмятежной.

Озарял, как солнце,

Ее сосед-помещик дон Антонио.

Он, собирая нескольких друзей,

Рассказывал им тайны,

От которых

Светлеет сердце,

Увлажняются глаза

И отступает мерзкий страх,

С рожденья

Прилипший к телу, —

Вечной смерти страх.

О эти встречи и беседы!
Ночь
Заполонил жемчужный запах моря.
Игольчатые звезды над листвою —
Как сполохи какой-то высшей жизни.
А дон Антонио нам говорит, что так же
Мы здесь сходились пять веков назад...

Тогда еще не царством инквизиции
Отчизна наша бедная была.
Здесь цвел недолгий мусульманский рай,
Навеки отлетевший к этим звездам.

А мы остались на земле.
Она,
Казалось, мертвой хваткой нас держала
И возвращала каждый раз в себя
Наш прах.
Но скоро эта связь порвется —
Так дон Антонио нам говорил —
И долго наши души будут врозь.

Одни родятся в христианской вере,
И осенит их с неба Южный Крест.
Моя судьба — евреем стать,
хоть вспомнить
Я так и не сумел, что им когда-то был.

А самому Антонио предстояло
Родиться вновь кочевником-арабом,
Спать на спине верблюда
И во сне
Украдкой возвращаться в Андалус².

О дон Антонио!
Всего за полчаса
До появления стражей инквизиции
Тебя увел небесный караван,
Державший путь к палаткам бедуинским.

Куда же денусь я?
Иерусалим
Разрушен за грехи царя Манассии,
И мой народ с чужбины на чужбину
Смертями и рожденьями гоним...

.....

— Горит! — Горит!
И вправду — запах гари.
Так значит, дым меня не задушил?
Как странно — если бы не этот запах,
Я думал бы, что умер
И лечу
Надзвездными путями к новой жизни.

Но сильно пахнет гарью. — А вверху
Какое-то свечение.
Ближе, ближе.
И проступают башни городские
И очертанья сказочных дворцов.
Туда?
Но это град небесный,
Град святых.
Там нету места грешникам сожженным!

.....

- Огонь! — Горят соседние вагоны!
- Погибли мы!
- Так вот мне почему
Приснился сон про этого испанца!

- О Господи! Не дай, не дай сгореть!
Хоть как-нибудь освободи отсюда!

- Остановился!
- Дверь! Выламывайте дверь!
- Вы слышите, стреляют!
- Партизаны!
- Конечно! Это немцы ловят тех,
Кто убежать пытается!
- Посмотрим!

- Ну что ж ты? Прыгай!
- Он не может, он старик!
- Толкай его сильнее, здесь много снега!

Паденье. Боль. И забытье.
Короткое иль долгое, кто знает?..

.

...Как больно мне, и холодно, и страшно.
Что значат эти черные стволы?
Как здесь я очутился? Неужели
Извергла вавилонская темница
Меня из недр своих на этот снег?

Но я здесь не один — я слышу крики,
И лай собак стоит остервенелый.
Стрельба!

Стрельба?
Так вот она, разгадка!
Теперь я понимаю, что к чему!
Я в прежней жизни был царем
Манассией!
Теперь мне ясно всё, как божий день.
Я царь Манассия — так значит,
не напрасно
Я в прошлый раз расстрела избежал.
Иначе я бы ничего не вспомнил!

...Всех до единого переписали
Евреев города
И повели
Себе могилы рыть и в них ложиться.
И, самый старый и больной из всех,
Сумел я убежать, подделал документы
И малый срок у смерти отыграл.

Но боги ада жаждут своего.
Вслед за евреями черед приходит
Всем остальным — и я попал в облаву.

Теперь уже, со сломанной ногой,
Я не смогу бежать.
Но для чего бежать мне?
Не сюда ли
Стремился я в бесчисленных рожденьях?
О, будь я настоящий каббалист,
А не такой вот дилетант-невежда,
Я по стволам вот этим, по ветвям
Прочел бы, как по книжке,
Что Всевышний

И этот день, и место сотворил,
Чтоб я здесь встретился с самим собою!

И ты, звезда над этой черной кроной,
Я слышу голос твой,
Я понял, что ты значишь!

Но почему меня никто не ищет?
Всё понятно:
Пытаются прорваться к партизанам
Те, что бежать смогли.
Погоня
Идет за ними.
Лай собачий и стрельба
Сместились вправо и уходят в чашу.
Что делать мне?
Лежать и смерти ждать?
Но я же царь!
Так не в моей ли власти
Погоню повернуть,
Чтоб хоть кого-нибудь спасти?

Ну, дьявольская рать в рогатых касках,
Здесь знатная приманка для тебя!
— Hierher! Hierher!
Da ist der Jude! Jude! Jude! ³

.....

...Душа блаженствует, из света в свет
Переходя и наполняясь светом.

Душа-страдалица!
Как тяжело пришлось

Тебе в темницах из костей и плоти.
Как страх небытия тебя изгрыз!
И как оно пыталось овладеть
Тобой живую
И в безумии топило.
Небытие! Пускай тебе в удел
Достанутся преступные деянья,
В безумье сотворенные,
Пускай
В тебе исчезнет всё,
На что толкал
Неодолимый страх исчезновенья.

А наверху — сияет ярче солнца
Иерусалим Небесный,
Град живых!
О родина моя!
Узнай меня! Прими!
О, только бы с тобой не разлучаться!

Но то, что накопилось там, внизу,
Не так-то просто отпускает.
И тянет всё сильней,
И камнем — вниз!..

.

Он прикасается к своей руке иссохшей
И кожу теребит —
Он жив, он снова здесь.
Сейчас войдет тюремщик
И миску с тошнотворною едой
Поставит на пол.
Вот слышались шаги,

Сейчас засов зазвякает...
Но громом
Гремят затворы!
— Царь! Вовек живи!
Владыка вавилонский возвращает
Тебе свободу и престол отцов!

О эти голоса!
О воздуха касанье!
И запахи!

— Но почему, друзья,
Темничный мрак идет за нами следом,
И я совсем не вижу ваших лиц?
Иль это ночь такая наступила?

Увы, теперь всегда со всех сторон
Объемлет эта ночь царя Манассию —
Слепым
Вернулся он в Иерусалим!

.

Приказывает царь соорудить
Пророкам пышные гробницы,
Приказывает из своих пределов
Изгнать Ваалов и Астарт.

Царские рабы,
Во всём царю покорны,
С таким же рвением, с каким они
Сооружали капища и рощи насаждали,
Теперь всё разбивают на куски
И рубят.

Но добру — не пропадать же!
Они в свои дома обломки волокут —
Из них очаг
Получится прекрасный.
А дрова из роц священных
Их пища придадут особый вкус.

...Тысячелетия пройдут,
А всё не смогут
От вкуса этого избавиться они...

.

Клянется царь и детям, и друзьям,
Что он во всём Всевышнему покорен,
И что он раб Его,
И что во всех мирах
Нет сладостнее ничего, чем это рабство.

Но горькими-прегорькими слезами
Обожжены незрячие глаза,
И по утрам он их открыть боится,
Чтоб не увидеть снова темноту.

Он, засыпая, видит сны,
Но в этих снах
Не видит он садов Иерусалима.
Блуждает в вавилонских подземельях
Его душа —
Но как раздвинулись они!
И как освещены!
Да это целый город!
И в нем — такое множество людей,
Что улицы едва вмещают их.

Но каменные своды их гнетут,
И безысходная печаль у них на лицах.

Он к ним бросается и хочет прокричать,
Что каменные своды — не навечно,
И что над ними — синева небес,
А их превыше — небеса иные!
...Но ничего не получается —
Они
Его не замечают и не слышат,
И только в нем самом звучат его слова.
И он их повторяет, просыпаясь.

А мрак стоит над ним,
и уходить не хочет...

II

И вот однажды растворится ночь,
И день придет,
Тот самый день, в который
Прорвется свет сквозь толщу облаков,
И сквозь обледенелое стекло
Скрипучего трамвайного вагона
До глаз его дотянется потухших —
И он вокруг посмотрит с удивленьем.

На окнах — толстый лед,
И если бы не знать,
Что там за ними,
Может показаться,

Что едешь в никуда.
И это лучше,
Чем в школу ненавистную идти.

Нет, кажется, сегодня он опять
До школы не дойдет, а будет шляться
По городу, верней — под ним,
В метро.

Но что с трамваем делается?! —
Окна
Вдруг осветились необыкновенно
И заиграли сказочным огнем!

Он усмехается —
Ну да — «мороз и солнце»,
«Чудесный день», «прелестный друг»,
«Хрустальный гроб».
Но что за остановка? — И в ответ
Звучит, как гром:
— Преображенский вал!

Здесь всё *преображенское* вокруг —
Метро и площадь.
Рынок.
Переулки.
Он здесь родился.
Почему же вдруг
Его название это обожгло?
И что сегодня с небом происходит?
Оно огромнее
И движется куда-то!
Нет, ни за что он в школу не пойдет.

В метро?
Ну уж туда-то он не опоздает!

Подземка! —
Так отец его и мать
Метро по старой памяти зовут —
Единственное место в целом мире,
Где он себя не чувствует изгоем,
Нелепостью ходячей меж людей.

Родителям внушают психиатры,
Что он в подземном этом царстве ищет
Забвенья,
От реальности уходит.
Если хотите — форма наркомании.

Ну это разве что про вас самих!
Не вы ли сами
Всю жизнь
Исходите самообманом,
Друг с другом состязаясь иступленно
В своих олимпиадах бесконечных,
Когда за всё про всё
Одна награда — смерть.

Но если он заявит это вслух,
Его в психушку упекут в два счета.
Не лыком шит!
Предпочитает он
Отмалчиваться, глядя исподлобья.

Однако знает он, где распустить язык,
И понаслушаться, и понабраться

Такого, отчего приличным людям впору
Из кресел вывалиться на паркет.

Зато здесь самому себе никто не лжет,
И слово «смерть» у них не под запретом.
Наоборот, оно нередкий гость
В их разговорах.
С толком и со вкусом
Они часами могут рассуждать
О разных способах самоубийства,
А понижая голос, и о том —
Как убивать.
Без жалости и риска.
Они любовью к жизни не пылают,
И целый мир в обидчиках у них.

Один на днях рассказывал со смехом,
Как мать его базарила по пьянке
И громко жаловалась, матерясь,
Что вот
Она пятнадцать сделала абортов,
А всё не те!
И вот теперь кормить
Ей подлеца приходится такого.

И все с ней соглашались, что, конечно,
Она дала промашку,
А ему
Весьма не повезло.
Не то что тем пятнадцати!

Отцы и братья старшие сидят,
И перспектива — вся как на ладони.
Подвал не даст соврать.

А выше этажом
Еще поют про яблони на Марсе.

.

И он здесь свой среди своих. И это
Почти невероятно.
Точно также
Не может он понять, зачем и как
В своей родной семье он оказался.

Отец при Сталине — и то не сел,
Хоть был всегда начальником.
А мать!
Да ей, наверно, непристойных слов
И слышать никогда не приходилось.

И братец — так талантлив и учен!
Того гляди —
вторым Эйнштейном станет.
(Он первого Эйнштейна пристрелил бы,
Да очень вовремя тот помер сам).

Прекрасная еврейская семья.

И он один — ее несчастье, стыд,
Угрюмый бездарь, черная дыра.

И всё равно они его жалеют,
Из школы в школу переводят,
Просят —
В который раз!..

Швыряет гневный завуч
Перед отцом тетрадку с сочиненьем.
Ошибки в каждом слове!
Почерк жуткий!
А пишет он не много и не мало,
Что очень глупо поступил Онегин,
Не дав себя убить на той дуэли.
А ведь прекрасный был бы вариант
Для Ленского, и Ольги, и Татьяны.
И сам Онегин был бы рад и счастлив,
Поскольку жить охоты не имел.

И это в год, когда идет страна
К пятидесятой славной годовщине!
Ну разве же за это —
Вот за это?! —
Боролись мы в семнадцатом году?!

Отец, глаза смущенно отводя, —
В который раз! —
Всё то же повторяет:
Что много лет назад, когда он был
В весьма ответственной командировке,
Жена — на пятом месяце тогда —
Попала на Лубянку по ошибке.
И хоть ошибка сразу разъяснилась,
И в тот же день она ушла домой,
И перед ней полковник извинился
По меньшей мере двадцать раз, —
Но ужас всех застенков,
Лагерей,
Всех пересыльных тюрем
И этапов

На мозг младенца отпечатком лег,
И он таким, какой он есть, родился.

.

И вот на площади Преображенской
Стоит он,
И над ним бушует свет,
Какого он до этого не видел
Ни разу,
Ни во сне, ни наяву.

— Простите, мне сегодня не до школы!
Всё небо в разноцветных облаках.
И он пойдет туда, куда они
Его ведут.
На рынок — так на рынок.

Но через рынок,
В эту рань безлюдный,
Он пролетает, словно на коньках,
И упирается в кладбищенскую стену.

Нет, кладбище сегодня ни к чему.
Туда всегда успеется.
А справа —
Распахнуты огромные ворота,
И там, за ними — церковь под крестами⁴.
Он обошел ее кругом, взрыхляя снег.

А возле колокольни,
У ограды,
Стояли двое, явно деревенских —
Мужик и баба,

И между собой
О чем-то спорили.
И страшно захотелось
Ему подслушать этот разговор.

Мужик в тулупе, в длинных сапогах,
Огромную обросший бородою,
Напористо и с жаром говорил:
— Сей город есть духовный Вавилон,
Вертеп убийц, лжецов и чародеев.

Мильоны душ прошли через него,
Которые с рожденья и до смерти
Ни разу не помыслили о Том,
Кто им дарует жизнь, и хлеб, и воздух.

Но близок час — разверзнется земля,
И толща водная безбожников покроет.
Господь не пощадил Иерусалим —
Уйдут ли от расплаты дети мрака?

А женщина в ответ на те слова
Смеется, как от радости нежданной.
— Да разве ты не видишь?
Мы — на дне,
И толща водная нас покрывает,
И даже от прозревшего скрывает
Превечный свет и небеса небес.

Но если смелости тебе достанет,
И если ты все силы соберешь —
Иерусалим Небесный,
Божий Град,
Над этим грешным городом увидишь.

— Выходит, голову вот так задрав,
Его ты отовсюду можешь видеть? —
И в голосе его звучит насмешка.

Она слегка колеблется
И всё же
Негромко отвечает:
— Есть места,
Где небо — ближе.
И одно из них — здесь рядом:
Это площадь Трех вокзалов.
За час до наступленья темноты...

...Но он ее не в силах больше слушать —
Бежать туда, бежать! Скорей в метро!

.

Из-под земли выходит он.
А небо
Уже опять в тяжелых темных тучах.
И небывалый свет почти исчез,
Но задержался на вокзальных башнях.
И три вокзала — словно корабли,
Сигналы посылающие в небо.

.

О, если бы здесь не было людей!
Он встал бы на колени,
Землю грыз!
Откройся! Покажись!
Яви свой свет!

Ты здесь. Я это знаю.
Сердцем вижу.

Он озирается, ища кого-нибудь,
Кто бы пришел на помощь.
Если только
Здесь двое или трое захотят
Того же самого,
То небо отворится.

Но нету никого.
Огромная страна
Перетекает через эту площадь,
Но все идут подземным переходом,
И некогда им на небо глазеть.

Промерзший до костей,
Глотая слезы,
Бредет он поздно вечером домой...

.

Он, засыпая, видит сны. Но в этих снах
Не видит он садов Иерусалима.
Он видит самолет.
Один и тот же
В московском небе странный самолет.

Он смотрит на него из-под руки,
С земли,
И различает очень четко
На крыльях свастику —
Молоха страшный знак —
И летчика, сидящего в кабине.
Он взглядом набирает высоту

И вздрагивает:
Сквозь стекло кабины
Он видит самого себя.
И вот уже он сам
Летит и видит, как под ним ползет
От самолета тень,
И на глазах чернеет
И искривляется — и свастикой когтистой
Впивается в дома и в переулки,
В пути трамвайные и в станции метро.

Царя Манассии грехи свинцовой тучей
Летят над обомлевшею Москвою,
И показалась площадь Трех вокзалов...
И он уже опять стоит внизу
И смотрит вверх с трамвайной остановки,
И на него ложится эта тень.
И понимает он: еще секунда —
И люк откроется,
И всё, что силы ада
Изобрели, чтобы с небес на землю
Обрушивались ненависть и смерть,
Оттуда упадет...

На страшный крик его
Соседи за стеной проснутся,
Мать заплачет,
Отец — в который раз! —
Проговорит:
— Лечить его, лечить! А то мы все
Окажемся в дурдоме вместе с ним. —
И, пригоршню таблеток проглотив,
Забудется под тяжкий стук в висках.

.

А он опять идет в свое метро
Превозмогать недобрую реальность,
Навязанную неизвестно кем,
Но всеми принятую безраздельно.

Какое множество людей!
Он любит
Смотреть им в лица, поднимаясь вверх
По эскалатору, когда они,
Смиренны, бесконечно терпеливы,
Спускаются под каменные своды.

И в длинных переходах на «кольце»
Смотреть им в спины,
Словно перед ним
Измученных овец большое стадо,
А он — пастух
И гонит их куда-то.

И кажется, что каменное небо,
Которое рукой потрогать можно
И от которого никто не ждет
Каких-то там чудес и откровений,
Им во сто крат понятней и родней
Бездонной выси,
К вечности зовущей.
Да что с них взять, когда они в могилах
Родятся и живут,
И кроме смерти —
Хоть расшибись — ничто не светит им!

Но каждый раз, когда он едет вниз
И смотрит на соседний эскалатор,
Он видит, как они,

Пускай невольно,
Вверх обращают лица —
И на миг
Невнятной озаряются надеждой.

О, если бы он мог им прокричать,
Что там, над этим городом, где сроки
Они мотают в ожиданье смерти,
Есть Град Живых!..

Но он же никогда
И сам его не видел...

Целый день
Он ездит по «кольцу»,
Потом на Юго-Запад,
Потом домой обратно,
По прямой.

.

— Ты на Дзержинке сходишь?
Если нет —
Садись, не стой в проходе.
Он садится.
И женщина, которую в тот день
Он видел на Преображенке возле церкви,
Сидит напротив
И ему в глаза
Так смотрит, словно требует чего-то.

И понимает он, что всё
Уже произошло,
И вместе с нею
На «Комсомольской» надо выходить.

Он понимает, что его нашли
И больше потеряться не дадут.

И всё же поначалу он боится
Поднять глаза,
Чтоб снова не увидеть
Одни лишь облака.

Но за руку она его берет,
И страх последний исчезает.
Он смотрит вверх —
И видит над собою
Иерусалим Небесный —
Божий Град.

¹ *Манассия* — иудейский царь, четырнадцатый из династии Давида. Период его правления охватывает почти всю первую половину VII века до н. э. В IV Книге Царств (21, 11–12) о нем сказано: «...За то, что сделал Манассия, царь Иудейский... — так говорит Господь, Бог Израилев, — вот, Я наведу такое зло на Иерусалим и на Иуду, о котором кто услышит, зазвенит в обоих ушах у того...» Также у пророка Иеремии: «...Так говорит Господь: <...> отдам их [израильтян] на озлобление всем царствам земли за Манассию, сына Езекии, царя Иудейского, за то, что он сделал в Иерусалиме» (15, 4).

² *Андалус* — арабское название Испании.

³ Hierher! Hierher! // Da ist der Jude! Jude! Jude! — Сюда! Сюда! // — Здесь еврей! еврей! еврей! (*нем.*).

⁴ *...Церковь под крестами* — старообрядческая церковь на Преображенском валу в Москве. В ее служебных постройках, по свидетельству очевидцев, вплоть до 60-х годов XX столетия проходили тайные собрания христововеров, в просторечии называемых хлыстами. *Под крестами* — т. е. действующая.

СКАЗАНИЕ ОБ ИННОКЕНТИИ СМОКТУНОВСКОМ

I

Синоним гениальности.
Актер,
Которого любили, словно Бога,
Или как Пушкина в России любят.

Судьба, достойная поэм и лучших пьес...
(Но кто же Смоктуновского сыграет?) —
Дивная судьба.

.

Был год как год,
Но странная истома
Подкатывала к сердцу.
Как всегда,
Мы о любви мечтали...
А о чем же
Нам, Господи прости, еще мечтать?
О достоянье свалок и помоек?
О том, что в гроб
не втиснешь-не впихнешь?

Ну нет,
Мы будем о любви мечтать!
Хоть некого любить,
И только в книжках
Читать нам доводилось про любовь.

Но вот пронесся слух, что нам готовят
Неслыханный подарок —
Нам,
Для нас
Поставят «Гамлета».
И не в каком-то театре,
Куда нам ехать десять тысяч верст
И всё равно билета не достать,
А там, куда пускают всех,
Как в Божий храм.

Кино! Наверно, нам не зря внушали,
Что ты для нас —
важнейшее искусство,
Сокровище, что всем принадлежит
И каждому,
Но то, что *всем* — важнее.

Когда над кинозалом гаснет свет,
Друг друга видеть мы перестаем,
Но мы не исчезаем друг для друга —
Наоборот, сердцебиенья все
Сливаются в одно,
Чтоб в это сердце,
Огромное,
Вместился без остатка
Сияющий в ночи киноэкран.

Он ради нас с прекрасною Джульеттой
Бестрепетно в могилу лег живым.
С Корделией он гордо отказался
От лучшей доли в Лировом наследстве,
Чтоб душу от неправды уберечь,
Для нас ее сберечь,
Для нашей лучшей доли.
Нас гнули подлецы,
Но Гамлет, Гамлет
Ни разу перед ними не согнулся.
За правду он погиб,
А значит, и за нас.

И вот поэтому, лишь речь
о «Гамлете» зашла,
Мы стали чуда ждать —
И дождались.
Еще бы!
Согласно непреложному закону,
Кто верит в чудо, тот его дождется.

Кино — не театр.
Там всё на самом деле.
Наш Гамлет неподдельным был, живым,
И звался Иннокентий Смоктуновский.

И в этом дивном имени слились
Прекрасный принц,
бескомпромиссный, чистый,
И долгожданный гений, о котором
Мечтала русская душа.

Да, не мудрец-писатель, не трибун,
Не толкователь Маркса, а всего лишь

Москва — и область,
До краев земли.

Вот так и Смоктуновский наш пришел
Из глубины, где зреют самоцветы
Под ветром ледяным,
Под гнетом власти
Безжалостной.

Был родиной его
Тот самый край, *где Енисей течет,*
Где в кронах сосен звезды поселились,
И воет дни и ночи напролет
Век-волкодав,
И нет ему конца.

Его отец, могучий великан,
Работал грузчиком.
На красноярских пристанях
Ему не знали равных.
Но в душе,
Как у ребенка чистой,
Он таил,
Как безнадежную любовь,
Мечту
Стать летчиком.

Над Енисеем красные яры
Вздымали в небо головы и плечи.
Оттуда было видно хорошо,
Как в небе кружатся аэропланы.

Крылатых братьев светлая община!
Он любовался ими,

Он любил их.
Он сердцем с ними поднимался в небо.
Он был одним из них.

.

Но вот однажды небо содрогнулось
И началась война.
Огромный Михаил,
Колонну ополченцев возглавляя,
Пошел на фронт.
И словно древний Пересвет,
Он пал в бою
И землю сжал в своих объятьях.
И победившая душа навек вошла
В общину светлую крылатых братьев.

.

А Иннокентию шестнадцать лет...
В солдаты
Такого не возьмут.
Да что он за солдат?
Он грезит стать актером.
Он родился,
Чтоб Гамлета сыграть.
Но это значит,
Что светлый Гамлет,
Благородства символ,
С рождения живет в его душе.
И он находит выход, чтоб оружие
Скорее в руки взять
И отомстить
За Родину-вдову и за отца.

Военное училище не фронт,
Но всё же ближе к фронту.
О, надолго
Затянется война!
Успеет он
В сраженьях побывать
И в плен попасть.
Успеет вовремя бежать из плена.
Добьет гадюку в логове ее.
И возвратится под родное небо.
И насладится торжеством полета.
Но он взлетит не на железных крыльях —
Незримые
Надежней и быстрее.

III

Теперь придется рассказать о том,
Во что никто, или почти никто, не верит.
Любовь двоих...

Мы все Мессию ждем,
И ждем, что у него
На всех любви достанет.
И мы его до слез любить готовы
Не ради хлеба вдоволь и задаром,
А потому что он бескрылых нас
Крылами необъятными подхватит
И победит земное притяженье,
Которое враждует с нами вечно
И жаждет поглотить,

И утвердить над нами
Могильным камнем торжество свое.

О как сладка твоя любовь, Мессия!
Ты так немного требуешь взамен —
От каждого по огоньку — и в пламя
Они сольются общее,
И станет
Оно ответом на твою любовь.

Любовь двоих — совсем другое дело.
Она трудна, она страшна:
Их двое —
И целый мир воюет против них.

Как изворотлива земная тяга!
Обличий принимает миллионы,
Миллионами имен прозваться может,
Но всем другим предпочитает имя
Негромкое, но гордое — реальность.
Реальность противостоит тому,
О чем душа с младенчества мечтает:
Любви навеки,
Дружбе бескорыстной,
Свободному полету
И бессмертью.
Но главный враг ее —
Любовь.
Их — двое.
И сделать с ними ничего нельзя.
Реальность побеждая каждый миг,
Любовь двоих могучие крыла
Растит,
Подобные крылам Мессии.

И сделать с нею ничего нельзя.
Однажды
Любовь двоих Вселенную заполнит.
Любовь двоих Вселенную спасет.

До той поры удел наш будет смерть,
Разлука вечная, страшнее смерти,
И горькое неверие в любовь,
Дарующую крылья и бессмертье.

.

..Она была такой же старой девой,
Как тысячи и тысячи других,
Войною заживо и прочно погребенных.
Признаюсь, что вдова и сирота
Не так мне больно сердце ранят,
Как эти женщины, лишённые судьбы.

Любить умершего никто не запретит.
Его чем больше любишь, тем он ближе.
Умерший не изменит, не предаст.

Но у *вдовы Подольского курсанта*
Такого права нет.
В межзвездный мрак
Ее душа сигналы посылает.
И никакой надежды на ответ.

Итак, она была одной из них.
С конца войны минуло десять лет.
Ей было тридцать.
Все ее подруги
Уже привыкли к участи своей.

Они пытались с жизнью примириться,
Любовников каких-то заводили.
Но это ничего не изменяло.
Любовник заменить любви не может.
Любовник — это суррогат любви.

Она решила умереть, не сдавшись.

Она мечтала в детстве стать актрисой.
Но это не было желанье славы,
Подделанное под любовь к искусству.
А как иначе сделаться Джульеттой
И умереть, чтобы любовь восславить?
Воскреснуть —
и опять Джульеттой стать!

Ты видишь, Время,
Кому-то удалось тебя схватить
И заключить в душе —
И пусть в локальной битве,
Но вышел победителем Шекспир!

Актера ремесло — преображенье
Души, подвластной телу,
В душу без оков.
О счастье дивное — повиноваться
Тому, кто сотворил твою судьбу
И высший смысл вложил
в поступок каждый!

О если бы и в жизни было так!
О кто бы нашу горестную жизнь
Нам рассказал, за нас ее осмыслив!
Тогда не страшно жить,

Не страшно умирать,
И только вечно длится воскресенье.

.

Она сумела вовремя понять,
Что ей талант актерский не достался.
Верна своей любви, она пошла в театр
Джюльеттам-Розалиндам шить наряды.
И там, где золушкой она служила,
Она однажды стала королевой.

.

Он полюбил ее еще до встречи.

Не первой юности актер провинциальный,
Со скрипом принятый на третьи роли,
Бездомный, ночевавший где попало,
Он задремал в гримерке
И во сне
Услышал, как позвали:
— Суламифь!

Он так был изумлен, что просыпаться
Не захотел.
Но снова прозвучало:
— Да где ты, Суламифь?
И между сном и явью
Граница стерлась —
Вздумалось когда-то
Ее назвать родителям-евреям
Тем именем таинственным,
Тем словом,

Которое Всевышний Бог избрал
Любви-Мессии позывными.

И он их принял и решил:
Она
Его полюбит.
И тогда свершится
Всё, для чего он шел сюда годами
Через огромную, как мир, страну.

IV

С войны минуло десять лет.
В России
Настала небывалая пора:
Ни Сталина, ни немцев, ни царей,
Ни крепостного права, ни монголов.
Израненными крыльями взмахнув,
Она, не веря счастьем, поднялась
В космическую высь.
Во всех театрах
От Эривани до Владивостока
В те дни Шекспира ставили захлеб.

И возвращались павшие в сраженьях
В объятья юных матерей.
Звучало
Над колыбелью их на все лады:
— Любить, любить
Отчизну, ближних, дальних!
Твоей душе принадлежит весь мир —
Земная глубь и высота небес,

День нынешний
И бесконечность Завтра.

Так Павел некогда коринфян уверял.
И многие восприняли всерьез.
И вера их по кругу всей земли
Немало сотворила чудных дел.

Но оказалось, что не кончен спор
Архангелов и полчищ сатаны,
И враг хитрей, чем мы предполагали.
Он отступил, перегруппировался
И двинулся на нас из всех щелей.

Идет и топчет Павловы деянья
И всё, что впопыхах успели сделать мы.

Да где же мы сейчас?
Какие песни
Звучат кругом!
В них о любви — ни слова.
Здесь каждое дыханье славит смерть.

Похоже, наш корабль прибило к аду...

Ну что ж, придется на берег нам выйти
И волоком тащить сквозь этот ад
Себя самих и всё, чем живы мы.

И ради тех, кто в нас
Живет любовью нашей,
Мы перетерпим всё —
Чтоб не погибнуть им.
Коль нет иных путей —

Прорубимся сквозь смерть.
И поглядим назад
И изумимся:
Пошел на убыль ад,
В небытие сползает.

.

Коринфяне спускаются с небес
И землю принимают во владенье.
Всё сбудется, как Павел их учил.

Давайте им навстречу полетим!
Расскажем обо всём, что было с нами,
И песни наши лучшие споем.

ТЕТРАПТИХ

Пророк Илья

Илья был человек как мы, —
Сказал апостол Иаков.
От этих слов захватывает дух,
И плоть от этих слов трепещет.

Илья был человек как мы —
До неба ростом,
Он небо от дождя замкнул
И молниям повелевал.

Когда жрецы Ваала избивали
Пророков Божьих в Самарии,
Он прятался в расселине скалы,
Но не пошел в Иерусалим —
Он не хотел,
Чтобы служители Господня Храма
Из зависти к пророческому дару
Его убили там.
Ведь он был человек,
Как мы —

Нагой,
Без хлеба и без крова,
От бегства непрерывного он задыхался,
И он пред Господом рыдал
И умолял
Вернуть вдове единственного сына —
И Бог его молитве внял. —

Недаром
То был Илья-пророк!
Его молитва отворяла небо,
Ему Господь Всевышний показал
Знамения и чудеса без счета.

И он увидел чудо милосердия Божия:

Когда кровавый царь Ахав,
Который сделал жизнь Ильи полыни горше,
Который убивал пророков —
Божьих сыновей, —
Так вот,
Когда он пал в раскаянье на землю
И зарыдал —
Господь его простил.

О горькой чужой жизни,
С которой не можешь расстаться.

Если тебя нет,
Почему твоя судьба владеет мною,
Обступает со всех сторон,
С каждым шагом отдается в сердце?..

О позволь мне, пусть я тобою стану —

Будет смотреть на тебя рдеющее небо,
Будут нищие к тебе протягивать руки,
Будет сердце твое вздрагивать от всхлипа
Проводов над загородным перроном.

Как иначе мне жить,
Если ты умер
В лютый холод,
Не дописав свою единственную книгу,
Схронив единственного сына...

¹ «Сон в красном тереме» — китайский классический роман конца XVIII века. Его автор Цао Сюэ-цин умер в нищете, не завершив своего труда.

Россия

То не птица вопит
Над гнездом разоренным,
То не мать рыдает
Над единственным сыном —
Плачет перед свадьбой краса-невеста,
Плачет-бьется, отца-мать проклинает,
На Божий свет поглядеть не хочет.

Мы прошли по всей земле —
по всем народам,
И у каждого народа мы спросили:
Так ли у вас празднуются свадьбы?
Так ли голосят ваши невесты?

Отвечали все народы и сказали:
Свадьба — радость. Грех рыдать
на свадьбе.
А невесты наши если и поплачут,
То совсем немного, для виду.

И пришлось нам вернуться в Россию,
Чтобы слушать этот плач безутешный,
Потому что сказал еще Пушкин:
«Наши свадебные песни,
что вой похоронный».

На глаза надвинула платок истертый,
На плечах у нее — пальто чужое,
Днем она украдкой спит в электричках,
По ночам дрожит на перроне.

Люди добрые и люди злые!
Не пытайтесь ее утешить.
Слишком много ей для утешенья надо —
Чтобы небо и земля заново родились,
Чтобы ожили мертвые кости,
Чтобы в грязь растоптанный жемчуг
Ярче прежнего заиграл-засветился.

Если можешь — сотвори ей чудо.
А не можешь — пей и плачь
вместе с нею!

Реджинальд не вступал с ним в споры —
Он покинул пределы Англии,
Он уехал в развратный Рим,
Как от мира удаляются в пустыню,
Он надел пурпурную мантию,
Как одевают грубую власяницу —

И с тех пор стал называться
Кардинал Поль.

.

А над кровавым и развратным Римом
Каждый день вставало и заходило солнце.
Каждую ночь над Римом
Возникали огромные звезды.

Тот,
Кто живет, устремив
К небу
Глаза и сердце,
Знает,
Что небо и солнце —
Это явленная ему милость.
Их красота сияет
Ради взоров его восхищенных —
Творит резец Микеланджело
Не для звериных глаз,
Не для ослепших сердец.

Те,
Что живут,
Устремив свои помыслы в небо,
Знают,

Что их упованием
Рим стоит —
Иначе
Все совершенные в нем злодеянья
Черной тучей поднимутся к небу,
Солнце закроют —
И город,
Лишенный лучей животворных,
Обратится в груды камней.

Тот, кто однажды
Расширенным сердцем
Воспринял небесную милость,
Знает,
Что, как небо, она бесконечна.

И она неделима, как небо.
Так,
Если двое и трое сойдутся
В небо смотреть благодарным
сияющим взглядом,
В каждое сердце вместится оно
без остатка,
Милость небесная
Будет умножена вдвое и втрое.

Так собирались они
Посреди озверевшего Рима,
И небесная милость
Умножалась над городом крови
Ради них,
Ради тех, кто не поклонился Ваалу.

— Боже,
Они Тебя предали,
Но ты остаешься верен
Той любви,
Что их воззвала из небытия
И зажгла над ними солнце и звезды.

.

Хорошо учиться Божественной любви
У Микеланджело и Виттории Колонны,
Но они тебя покидают
Ради вечной жизни в бесконечном небе.
И тогда обращается твое сердце
Ко всем безрассудным и жестоким,
Что остались с тобой на земле,
Потому что вся земля лежит под небом
И о милости его умоляет.

.

Вот таков был кардинал Поль,
англичанин,
Жил он в шестнадцатом столетье,
В том самом,
Из которого отвечали пророку Исае:
— Еще ночь, но скоро утро.

Может показаться,
что все о нем позабыли,
Но подобная мысль —
Жестокое заблуждение.
Даже птичка ценою в пол-копейки
Не забыта у Господа Бога.

Неужели забыт Реджинальд Поль!

Вот он стоит на палубе баржи,
Поднимающейся по Темзе,
И восклицает:
— Миритесь, братья!
У Вселенной одно сердце,
Это сердце бьется в каждой груди!

А они на берегу толпятся,
Смотрят на него с любопытством
И отвечают:
— Для того, чтоб ты это понял,
Вся твоя судьба совершалась.
Пусть же свершится наша,
Тогда и мы это поймем.

И идут навстречу своей судьбе.

Вместо жития

Памяти Т. С. Иваниловой

С лица она не казалась
На ангела похожей —
Простое русское лицо,
От старости всё в морщинах.
И в травах она знала
Не слишком много толку,
Зверобою заварит горсть —
Вот и вся наука.

Но как она их любила,
Как шептала:
Боже мой, Боже!
Сколько же их, сколько!.. —
И цветов, и трав,
И этих листьев бесконечных
В небогатых полях
и лесах подмосковных.

В разных краях довелось ей скитаться
Вслед за мужем,
Потом — вслед за сыновьями.
Велика земля, где говорят по-русски,
А Господь Бог — един повсюду.

У Него речей и слов —
Что этих трав и листьев!
И она старалась повсюду
Различить, угадать Его голос.
Но когда ее бедный кораблик
Прибило к Москве огромной,
Стал он слышней и слышней,
И вот зазвучал неумолчно.

И она уходила в Москву,
И громадные улицы
Сами
Приводили ее в те места,
Где люди молятся Богу,

Стоя молятся,
Сидя,
Опустившись на колени,
На разных наречиях, в разные дни,
В одеждах разных.
Одни распахнули настежь
Большие дубовые двери,
Другие в подвалах таятся,
При звуке шагов трепещут.

И все знать не знают чужих,
И своим не очень-то верят —
Но она входила как воздух,
И все ее принимали.
И каждый считал своею,
А почему — сказать не сумел бы.

Что она мне пела однажды,
Проходя через поле на закате.

Эта песня о том,
Как Христос повстречал самарянку,
Принял от нее глоток воды студеной,
Отворил ей колодец с живой водою.

Ответ В. Д. Бонч-Бруевичу

на его вопрос к русским сектантам:
«В чем отличие вашей веры
от учения господствующей церкви,
а также от прочих направлений и сект?»»

Мы не из тех,
Кто, Библию читая,
Снимает с полки тяжкий фолиант,
Узорные застёжки размыкает,
И в тишине,
С размеренным благоговеньем
Путь долгий от стиха к стиху преодолагает.

Нет, мы не из тех,
Кто воду пьет коленопреклоненно,
Руками черпает за горстью горсть,
Чтоб жажду утолить.

Но мы —
Бросаясь ниц и распростершись на земле,
Лакаем Слово из пылающей реки —

И небо распустилось, как знамена
Над храбрыми из храбрых Гедеона.
Веди, о Господи, свои полки!

Человек из Цзоу

Старый человек,
Начальник округа Цзоу,
Овдовел,
Остался один на свете.
Стала жизнь печальной-печальной.

И задумал он жениться вновь,
И соседей
Попросил отдать за него их дочку —
Как расцветшая яблонька молодую.

Смущены были родители невесты.
Не решились отказать ему сами,
Обратились они к старейшинам
за советом.

Отвечали им старейшины царства Лу:
— Если старый возьмет молодую в жены,
Суждено непременно ей быть вдовою.
Округ Цзоу — ничтожный округ,
Тяжело придется вдове и сиротам.
И увидят светлые духи предков,
Что, безвинные, они страдают.
Ведь не царь он и не князь,
Человек из Цзоу!
Не по чину ему такая женитьба.

Ах, кто же, кроме сына,
Дольше всех об отце будет помнить? —
И она родила ему сына,
Чтобы род его на земле продлился.
А потом
Она родила ему дочку —
И наполнились медом пересохшие соты,
И забыл он о своих печалях.
Так земля, покрываясь цветами,
Забывает о зиме ненастной.

.

Но клонилось солнце на запад,
Покидало округ Цзоу,
Царство Лу,
И весь Китай великий —
День окончен,
И темная ночь неизбежна.

Так и память о нас,
И о тех,
Кто нас помнит,
Погружается в ночь,
Грозит исчезнуть во мраке.

Где же сердце,
Не знающее границы,
Что сумеет нас
Вместить навеки?

Кто научится помнить
И любить нас вечно,

Тот научит народ,
Как стать на земле бессмертным...

.

...И тогда, на закате его жизни,
Родила она не простого,
Родила она дивного сына,
Нарекли ему люди
Имя —
Конфуций...

Мистер Фолуэлл в Нью-Йорке

Мистер Фолуэлл в Нью-Йорке
В небоскребе заседает,
Он орет по телефону,
Виски с содовой он пьет.
Он в резиновых подтяжках,
Денег у него миллионы!
Да, те самые миллионы,
При наличии которых —
Ходят слухи — невозможно
В Царство Божие попасть.

Мистер Фолуэлл, однако,
Убежден на сто процентов,
Что, летя по небоскребу
В быстром лифте вверх и вниз,
Проносья в автомобиле
Сквозь амброзию бензина,
Выходя из самолета
И опять в него садясь —
Самой лучшей, самой четкой,
Самой истинной дорогой
В Божье Царство он идет.

Мистер Фолуэлл при этом
Не смущается нисколько,
Что вокруг его персоны

Суеются непрестанно
Легионы сатаны.
Ведь в любом из механизмов,
Что людей забрали в когти —
Обступили, облепили —
Мириады бесенят
Дружной заняты работой,
Сил и пота не жалеют —
Всё стараются уверить,
Что без них не обойтись.
А чуть только заподозрят,
Что слабеет их морока —
Из толпы чертей попроще
Выступает генерал,
Выпускает длинный коготь —
В микросхеме ковыряет.
Соблазняет чудесами,
Ублажает, завлекает —
Только нас не проведешь!

Мистер Фолуэлл однажды
Увидал иное чудо,
Увидал живое чудо —
Он в газетах прочитал,
Что исполнились Писанья,
Предсказания сбылись,
Что не раньше и не позже,
Ровно в срок Господь исполнил
То, что сделать обещался
Тыщи лет тому назад.

Тот, кто в сердце принял чудо —
Тот с дороги не собьется.
Ведь не зря Господь всевидящ,

Оступится не дает!
Боже! Ты меня сподобил
Чудеса твои увидеть!
Боже, Боже! Как я счастлив!
Буду петь и восклицать!

Потому-то Желтый дьявол
(Деньги — это Желтый дьявол) —
Хоть бренчит в его кармане,
Но карман ему не тянет,
Ведь прекрасно знают оба,
Кто здесь раб, кто — господин!

Ну а с шушерой бесовской,
Пред которою на брюхе
Технократы-блюдолизы
Рады ползать день и ночь,
Он спокойно разобрался —
Раз пока вам срок не вышел,
И пока земля вас носит, —
И пока Господь вас терпит, —
На меня изволь работать,
огнедышащая рать!

Боже! Ты меня сподобил
Чудеса твои увидеть!
Боже, Боже! Как я счастлив!
Буду петь и восклицать!

Диккенс. Очерк творчества

Он знал две тайны:
Первая — о том,
Что Ангелы живут среди людей.
В одежде ходят тесной, некрасивой,
Болеют, умирают —
И опять
По лестнице Иакова восходят.
И он об этом не молчал — напротив!
Откройте сорок пятую главу
Прославленного «Пиквикского клуба» —
Там Сэм Уэллер ясно говорит:
«Я не слыхал,
И в книжках не читал,
И на картинках никогда не видел,
Чтоб Ангелы носили башмаки,
А уж тем более — очки и гетры.
Но мой хозяин — чистокровный Ангел,
Ему подобного на свете нет».

Да, Ангелы подобны бриллиантам —
Калибром разные, а суть одна.

И чтоб никто не вздумал придираться,
Мол, нам необходим второй свидетель,
Как Моисеев требует закон,
То сказано в «Холодном доме» прямо,

Что был его загадочный владелец
На Ангела похож,
И что его лицо
Светилось,
Словно Ангельские лики.

Итак, он говорил об этом вслух.
Но в грохоте житейском
Голос тайны
Рас слышать так же трудно,
Как в толпе
Измученного Ангела узнать,
Когда лицом к лицу столкнешься с ним.

Пу скай ты Ангел —
Им не до тебя,
Когда они спешат, в горсти сжимая
Лоскут своей судьбы — свою обиду.

И это всё, что удалось урвать
У времени из ненасытной пасти.
Тебе такого, Ангел, не понять.
Тобой иные правят страсти!

Иные — и в миллионы крат сильней!
Ведь чтобы вашу злобу пересилить —
Какая сила жалости нужна!
Но есть другая —
Жалости превыше.

Она заставит Ангелов спуститься
На землю обреченных и немых,
Чтобы за вас за всех хотеть того,
О чем никто не помнит-не мечтает —

Такая сила снова поднимает
До неба Ангелов и тех, кто любит их!

.

Дымились кровью улицы Парижа.
Толпа ревела. Осужденные на казнь
Дрожали у подножья гильотины.
А Сидней Картон говорил о том,
Что он владеет величайшей тайной,
Которую пророки Божьи знали,
И потому на смерть идет без страха.

О эта тайна! Если б вы могли
Не то чтобы поверить, а расслышать —
Что Время, пожирающее вас,
Не вечно будет царствовать над вами,
Что есть ему начало и конец,
Что вы пребудете,
Когда оно исчезнет.
Тому, кто этой тайною владеет,
Она дороже воздуха и хлеба.

Об этом Ангел клялся Иоанну
В Апокалипсисе,
Об этом Диккенс
Писал в «Рождественских колоколах»
И в «Повести» про Лондон и Париж.

Но бой часов отяготил ваш слух.
И щелканье больших и малых стрелок...

.

Он знал две тайны. Но еще одну
Пытался разгадать —
Горчайшую из тайн.
Она живет в часах, она в движенье
Приводит гири, побуждая их
Всегда стремиться вниз,
Чтоб их паденье
Вращало непрестанно колесо.
То сила зла —
Чем тяжелей оно,
Тем выше Ангелы взлетают!

Когда он был к ее разгадке близок,
Ему явился Ангел — но из тех,
Чьи крылья не скрываются одеждой,
А смело в небеса устремлены.
И он увел его с собой.

КАББАЛИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Поэт

(Н. А. Клюев)

— Господи! Изгладь мои грехи!
И давай про них забудем оба.
Слышишь, Господи? —
Всю ночь звучат стихи
Из трущобы мрачной, как из гроба.

Это он, жилец промозглых нар,
Те стихи бормочет-произносит.
А с утра он поплетется на базар,
Сядет — и на пропитанье просит.

Господи, как мало медяков!
Подают картошку и огрызки хлеба.
А в душе — такое сонмище стихов!
Вызволишь — они поднимутся до неба.

Птица-Сирин, вея с высоты,
Удивленно-ласково засвищет:
— Ах, какие вокруг тебя горят цветы,
Государь мой нищий!

И обронит благодатный пух,
Пахнувший цветеньем райской купы,
И отгонит кровожадных мух,
Что впились в незаживающие струпы.

И примолвит:
— Ах, твой грех, видать, жесток! —
Горестно заламывая крылья,
И помчится на Святой Восток,
Зарыдав от боли и бессилья.

А ему в милицию брести —
Отмечаться, что еще не умер,
Что не утопился по пути
Ссылный из Москвы, такой-то номер.

Вот, намаявшись, он, наконец, уснул,
В шапке-в валенках,
на нищенский обычай.
И ему приснился царь Саул,
Измученный собственным величьем.

Он среди Израиля стоит,
На главу всего народа выше,
И звезда во лбу его горит,
И крыла незримые кольшет

Тихий ветер.
Но прилетал иной,
Порожденный чернотой межзвездной,
И не стало крыльев за спиной,
И звезда-моя звезда! —
ты пала в бездну.

Памяти Рильке

Паула Беккер — как заря,
Что на вершинах Альп играет!
Но если Альпы этого не знают,
Выходит — солнце их ласкает зря.

И если нет любви
Меж небом и землей,
Так значит — нет нигде!
Готовьтесь — быть беде.
Паула Беккер смерть
Любви предпочитает.

О красота ее застывших рук,
Другую красоту рождавших прежде!
О гипсовые вежды!
А взор отныне обращен туда,
Где о любви и *память неуместна*,
Где убегает от звезды звезда,
И где на звуки наших лучших песен
Никто не хочет отозваться,
И Эвридика хочет там остаться.

Но ты же сам решил, поэт,
Что лица Ангелов бесстрастны,
Когда под ними звезды гаснут,
И гаснут красные огни

В твоей крови.
Меняя цвет,
Она с подземною рекою
О чем-то шепчется.
Под эти звуки
Невыносимые стихают муки.

.

На небо нет путей,
Ведет дорога вниз,
И ты по ней уходишь без возврата,
Поэт.
А я тебе, кричу:
— Вернись!
Мы были братьями когда-то...

* * *

Нас каббалисты учат, что земля —
Есть область чувств, а чувства —
форма боли.

И избежать ее никак нельзя
Нам, грешникам, а уж святым —
тем боле.

Написано издревле на роду,
Что будешь ты изранена-избита —
И в темноте, по вздыбленному льду
Свой путь земной проходит Суламита.

Но тайна тайн горит в ее очах,
И плавит лед, и темноту пронзает.
Безумная мечта — сильнее, чем страх,
А сердце знает то, что разум
не вмещает,

И верует, как веровало встарь,
Что невозможное должно свершиться.
Ты помнишь? — Мать с отцом хотели
сжечь Фамарь,
Но Бог простер крыла над голубицей!

С небес отверстых, в озаренной мгле
Твое, Твое лицо сияло, Боже,
И тот, пред кем она рыдала на земле,
Казался на Тебя похожим.

Отрывок

Мне сон приснился,
Даже так, не сон —
Дремотное видение под утро.
Какой-то вход в московское метро
Со стороны альпийского курорта.

Привычная картина:
В два ряда
Стоят усталые старухи
И несколько небритых мужиков.
А перед ними
На ящиках картонных,
Или просто на земле,
А у иных в протянутых ладонях —
Товар нехитрый:
Вобла, банки с пивом
И сигареты целых трех сортов.

Темнеет,
Но народ идет всюду,
И фонари горят вдоль всей дороги,
Она другим концом уходит прямо в лес —
Его смолистый животворный запах
Меня во сне пьянит и удивляет.

А ближе к лесу,
На брезгливом расстоянье
От тех, что с воблюю и с пивом,
Сидит на кочке Томас Манн,
Перед которым
На чистом носовом платке
Лежит его душа.
И точно так же,
Как прочие торгующие,
Он
Смиренно ждет,
Что кто-нибудь из проходящих
Ее купить захочет.

Но надежды — никакой.
И вообще идет торговля плохо —
То ли место здесь такое? —
Впрочем, воблу с пивом,
Хотя и неохотно, но берут.

Вот так он и сидит.

А я вишу
В кирпичной комнатке над утренней
Москвою
И не могу проснуться — оттого ли,
Что мне понравилось в лесу?
Или меня смущает
Картина эта странная?
Она смутит кого угодно —
Старик застылый,
А у ног его
Младенец мертвый.

Но ведь всем известно,
Что умереть *совсем* душа не может!
Так почему же так упорно он
Избавиться желает от нее,
Готов *за так* отдать кому угодно?

И сквозь сон,
Сквозь ветви
Я начинаю понимать,
Как он
Сюда попал,
Что с ним на самом деле
Произошло —

С ним дьявол отшутил
Такую злую шутку, до которой
Додуматься один лишь дьявол мог.

А дело было так:
Он душу продал.
И купчую скрепили,
И сполна
Он всё, что причиталось, получил,
А дьявол брать ее не захотел —
Что хочешь, то и делай.
Ужас просто.

Так что ж он, вечно будет так сидеть?
А мне что делать?
Я хочу проснуться!
Не нужен мне альпийский этот воздух.

И просыпаюсь...

...Люди друг про друга
Умеют забывать,
И это страшный грех.
Не просто грех,
А дьявольские чары,
Проникшие в сознание,
Чтобы к смерти
Вернее приучить.
Забвение — осуществление смерти.

И то, что при таком раскладе
называют жизнью —
Только увертюра
К той смерти:
Сумма подлежащего забвенью.
Такая жизнь
Альтернативой смерти быть не может.
Они друг друга стоят.
Хорошо бы их обеих
На кое-что получше обменять!

Ты видишь, Томас Манн,
Ведь все, кто клялся
Тебе в любви,
Кто в прибылях участвовал твоих,
Не помнят о тебе.
Они свои убытки
Теперь считают —
Но куда же всё девалось? —
И ты не помнишь, мертвый, ни о ком.

Но один раз в жизни,
Было дело,

Ты вспомнил ненароком обо мне
И получил неслыханный процент.

Уж такова моя натура —
Тому, кто обо мне однажды вспомнил,
Я трижды и четырежды воздам.

Рассуждение о «Манон Леско»

— Это, конечно, не исторические события, — сказала Дай-юй, — но о них говорится в романах и пьесах, и все о них знают.

«Сон в красном тереме», гл. LI

...Разве жажда моя утолится
Этой малою каплей росы?

Но она всё равно проступает
Сквозь кровавый атлас лепестка...
И невидимая рука
Эту старую повесть листает.

О, какие ничтожные страсти!
Кавалер в потаскушку влюбился
Так, что просто рассудка лишился.
Да возможно ли это рассудком назвать?
Всё-то их представление о счастье —
Пожирнее поесть, да попить, да поспать.

Жизнь во тьме.
Только сполохи ада
В пляске факелов,
В треске свечей над игорным столом.
А душа, словно бабочка, рада —

Наплясаться в ночи вокруг огня,
Надышаться дурманного чада —
И навеки во мрак.
И не надо ей лучшей награды.

Только, силы небесные,
Что же такое творится!
Кавалер,
Этот карточный шулер,
Бездельник и мот,
Без оглядки на каторгу
Вслед за беспутной девицей
Через весь океан
На разбитой галере плывет.

Да откуда взялась в тебе сила такая?
(Но ведь черным по белому,
Это ж не зренья обман!)
Кавалер де Грие!
Ты у нас не герой, не святой,
Не Катрин Трубецкая!
Каково ж тебе плыть
Через весь океан!

И, выходит, нисколько не нужен
Ему этот Париж,
Мельтешащий Содом.
Он совсем как тот парень,
Что ради жемчужины
Продал тачку, участок и дом.

Но при чем же здесь девка бесстыжая —
Только знает глазами моргать! —
Та жемчужина — истина высшая,

Для нее-то живем мы,
Только ею и дышим,
Жаль, что нечего нам продавать!

У живущих по высшим законам
Очень часто с финансами туго —
Мы не делим харчи с Вавилоном,
Мы взаимно презрели друг друга.

Был сапожником некогда Бёме,
Жизнь он прожил сравнительно мирно.
Но в двадцатом столетье-дурдоме
Всё схватили гигантские фирмы.
И в тисках обувной индустрии
Вольным пташкам приходится круто.

Как мы жили в советской России,
Сторожа академинституты!

Трое суток, как ветер, кружиться,
Разглагольствовать о нирване.
На четвертые — развалиться
В проходной на протертом диване

(Съездив к ангелам в гости без визы,
Дабы скрасить свой скромный досуг),
И с блаженной улыбкою, снизу,
Созерцать докторов лженаук.

Крепкий чай из стаканов граненых,
Черный хлеб, увлажненный горчицей, —
Это трапеза посвященных,
И не каждый ее причастится.

Вот заветнейший миг наступает —
Как морозная ночь хороша! —
Други-ангелы снег отряхают,
И горит, не сгорая, душа!

В небе яблонькой райской заря
расцветает...

Ну а где-то,
В глуши непроглядных времен,
Кавалер де Грие
Безутешно рыдает
Над своей дорогою Манон.

И холодное тело хранит очертанья
Той души, напоенной огнем,
Чья цена равнозначна цене мирозданья,
И которой,
Как нас уверяют преданья,
Обладать можно только вдвоем.

.

Но когда же такое случилось,
Где отыщешь, в анналах каких,
Чтоб позорная жизнь увенчалась
Смертью чистой, как ризы святых?

Де Грие и Манон!
Вы должны нам ответить.
Разрешите сомненья, что мучают нас:
Неужели возможен
Между жизнью и смертью
Вопиющий такой диссонанс?

— Между ними такое бывает,
Что смутится рассудок иной:
Леденцовой сосулькою тает,
Восковою свечой оплывает
И единственной жизнью себя почитает
Смертный сон в колыбели земной.

Прожигатели жизни про это
Догадались при самом рожденье,
И не станут свои же мученья
Продлевать хитроумной диетой.

Наши радости — с привкусом яда,
В нашей дерзости — горечь бессилья.
За собою не помним вины,
И не надо
Ждать, чтоб мы у кого-то
Снисхожденья просили.

Так созвездья за нас рассудили,
Под которыми мы рождены,
И скопление звездной пыли
Излучает чадящие сны.

Если кто ненароком проснется,
Всё равно соскользает на заданный путь.
И единственный шанс остается —
Выше этих созвездий рвануть!

Чтобы в нас не успели вцепиться
Разъяренные Гончие Псы!

Разве жажда моя утолится
Этой малою каплей росы...

Небо-небо! О как же ты страстно
Любишь нас,
Наши речки-пруды!
Как твои отраженья прекрасны
В зеркалах этой кроткой воды.

А потом, с наступлением ночи,
На тебя бы глядеть да глядеть,
Целовать твои звездные очи
И бессмертной надеждой владеть.

* * *

Фьоравенти-Фьораванти¹!
Видишь — ангелы парят?
Фьоравенти-Фьораванти!
Звоны дивные звенят.

Поднимайся, собирайся, —
Начертал великий Бог
Итальянцу Фьораванти
Путь на северо-восток.

Через доли — через горы
Многотрудный путь лежит, —
Там, в груди глухого бора,
Несказанный город спит.

Одному тебе под силу
Чудный колокол отлить,
Что сумеет звонким звоном
Этот город пробудить.

Он проснётся, он воспрянет,
Он раздвинет темный лес.
Жадным взором он заглянет
В очи синие небес.

Дивный град, краса Вселенной,
Страх завистливых врагов.
Собеседник дерзновенный
Белопенных облаков.

Хлынет солнце спозаранку
В русла улиц-площадей —
Это ангелов стоянка,
Пристань белых лебедей.

¹ Зодчий Аристотель Фьораванти (в ряде источников называемый Фьоравенти) был также основателем литейного дела на Руси.

Е.Г. (Елена Грантовна Степанян)

**Песня о боярыне Морозовой; Царь Манассия;
Сказание об Иннокентии Смоктуновском**

Ответственный за выпуск *Р. П. Дименштейн*

Художник *М. Н. Овчинникова*

Верстка *А. Г. Яковлев*

Лицензия ИД № 03867 от 30.01.2001

Подписано к печати 16.12.2005. Формат 84×108/32.

Уч.-изд. л. 2,0. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Гарнитура «Кудряшевская». Тираж 500 экз.

Заказ №

Издательство «Тервинф»

119334, Москва, ул. Косыгина, д. 5;

для переписки: 119002, Москва, а/я 9; тел./факс: (495) 585-05-87;

эл. почта: terevinf@online.ru; сайт: www.terevinf.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ИПФ ГАРТ»

Москва, ул. Антонова-Овсеенко, 13